

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчіяхъ¹⁾.

Если изъ Исфагана черезъ мостъ Морнунъ выѣхать по дорогѣ въ Неджеф-абадъ, то на разстояніи почти трехъ фарсаховъ непрерывно тянутся на право и лѣво красиво раскинутыя деревеньки: Неджунъ, Парунъ, Зеррунъ, Кухунъ, Лядунъ, Судунъ, Ренунъ, Хизюнъ, Перишунъ, Бенесбаунъ. Три послѣднія изъ нихъ носятъ общее названіе «Сэ-дэ» — سه‌ده، т. е. три деревни. Селенія эти, орошаемая рѣченкой Джугердеръ, которую отводятъ изъ Зендеруда, довольно большія; къ сожалѣнію я не могъ точно узнать численности населенія, потому что на мой вопросъ: сколько приблизительно въ Сэ-дэ жителей? — постоянно слѣдовалъ чисто персидскій отвѣтъ: «Много (بسیار). Сколько тысячъ....! چندان هزار هزار». Деревни эти имѣютъ свои мечети; одна Бенесбаунъ, состоящая изъ пяти кварталовъ محله، имѣетъ ихъ въ каждомъ по одной. Есть также свой *имам-задэ*, Сейидъ-Мухаммедъ, пользующійся въ окрестностяхъ большою извѣстностью, такъ что въ праздничные дни на могилу его стекается — опять таки по персидскому счету — до 60,000 поклонниковъ! Сэдейцы не гнушаются суевѣріями. Такъ они вѣрятъ, что вслѣдствіе какой-то сверхъестественной силы громадный камень недалеко отъ нихъ упалъ съ вершины горы, съ страшной быстротой ринулся внизъ, но остановился какъ разъ на срединѣ горы (کسر).

1) Магистръ перс. словесности В. А. Жуковскій съ Мая 1883 г. находится въ Персіи, куда онъ былъ командированъ по ходатайству факультета восточныхъ языковъ. Занимаясь собраніемъ разныхъ лингвистическихъ матеріаловъ В. А. Жуковскому удалось изслѣдовать между прочимъ нѣсколько совершенно еще неисвѣстныхъ мѣстныхъ говоровъ Исфаганской провинціи, и объ одномъ изъ нихъ, именно о *сэдейскомъ* нарѣчій, онъ прислалъ въ факультетъ довольно подробный грамматическій очеркъ съ приложеніемъ текстовъ, который онъ по возвращеніи безъ сомнѣнія издастъ цѣлкомъ. Изъ введенія къ этому очерку мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя предварительныя замѣтки, дополняя ихъ кое-гдѣ изъ писемъ В. А. Жуковского, адресованныхъ лично намъ. (Прим. Ред.)

какъ бы повисъ на воздухѣ: любовь Алія остановила его на полпути, — почему камень этотъ извѣстенъ теперь подъ именемъ *سنگ عشق علی* «Камень любви Алія». Говорили мнѣ также, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ была въ Сэ-дэ какая-то чудотворная книга, только не Коранъ; — всякій кто проходилъ подъ нею — ее держали два человекъ — избавлялся отъ настоящихъ и будущихъ болѣзней, и не только правовѣрный, но даже кяфиръ въ образѣ напр. армянина. За это взималось отъ двухъ *шай* (3 коп.) до.... сколько дастъ десница вѣрующаго. Такими пустяковыми поборами владѣлецъ книги составилъ себѣ довольно приличный капиталъ. Куда потомъ дѣлась книга — неизвестно; только теперь о ней ничего не слышно.

Занятіе Сэдейцевъ, какъ и крестьянъ большей части окрестныхъ деревень, составляетъ воздѣлываніе кальяннаго табака, терьяка, и хлопка (*كلوزہ، جوزق*). Послѣдній въ сыромъ видѣ или въ видѣ веревокъ (*تَنَفُّق*) везутъ въ городъ и каждое воскресенье въ Джульфу на базаръ. Среди исфаганцевъ сразу можно отличить жителя Сэ-дэ, не по какимъ нибудь наружнымъ признакамъ—какъ напр. одежда, головной уборъ и пр. а по особенному говору и по тѣмъ насмѣшкамъ, которыми преслѣдуетъ его плутоватый исфаганецъ, насмѣшкамъ пересышаннымъ оборотами, принаровленными къ сэдейскому нарѣчію. Извѣстный во всемъ Исфаганѣ люти Керимъ, скончавшійся въ прошломъ году, потѣшаясь надъ сэдейцами, составилъ на ихъ языкѣ нѣсколько скабрезныхъ таснифовъ (*تصنیف*), которые теперь съ удовольствіемъ распѣваютъ сэдейцы. Даже Ленджунцы, давнымъ давно извѣстные своимъ дурнымъ произношеніемъ и коверканнымъ выговоромъ, и тѣ не оставляютъ сэдейцевъ въ покоѣ. Сэдейцы равнодушно переносятъ эти насмѣшки и сами сознаются, что языкъ ихъ несовершенный и ни для кого непонятный. Для выраженія этого они употребляютъ общеизвѣстную какъ среди персовъ, такъ и среди турокъ, поговорку «Турокъ не выдавшій воды» *ترك آب ندیده* *زبان ما ترك آب ندیده است* и говорятъ что *ترك صو گورمش، ندیده*. Несмотря на такое заявленіе сэдейцевъ, языкъ ихъ въ нашихъ глазахъ конечно заслуживаетъ вниманія: Три деревеньки, составляющія незначительную горсть персидскаго населенія, имѣютъ свой собственный языкъ, настолько самостоятельный, что женщины по большей части невыходящія за предѣлы своихъ деревень, не понимаютъ чисто персидской рѣчи за исключеніемъ нѣкоторыхъ словъ общихъ обоимъ языкамъ. Мужчины же, имѣя частое сообщеніе съ жителями города и другихъ селеній, почти всѣ свободно владѣютъ персидскимъ языкомъ, хотя и говорятъ на немъ съ нѣкоторымъ акцентомъ. Еще бѣльшій интересъ приобрѣлъ для меня этотъ языкъ, когда

дальнѣйшія изслѣдованія мнѣ показали, что сѣдейское нарѣчіе не стоитъ совершенно особнякомъ, а имѣеть довольно близкую родню. Къ ней принадлежитъ напр. нарѣчіе *Кешэ*. Кешэ — одна изъ 72 деревень расположенныхъ вокругъ *Наменза* (въ 14 фарсахъ или 85 верстахъ отъ Исфагана, въ горахъ). — Это нарѣчіе, говоря по персидски, доводится братомъ сѣдейскому, но не роднымъ, скажемъ по нашему, а двоюроднымъ, потому что будучи сходно съ нимъ въ общемъ, въ частностяхъ имѣеть свои особенности, которыя мною тщательно отмѣчены. Замѣчательно то, что насколько сѣдеецъ пренебрежительно отзывается о своемъ языкѣ, настолько кешеецъ, который мнѣ давалъ первыя свѣдѣнія объ этомъ нарѣчій, восторгался своимъ. Онъ убѣждалъ меня, что изучивъ нарѣчіе Кешэ, я въ состояніи буду понимать всѣ нарѣчія, какія только существуютъ въ Иранѣ, мало того, на Кавказѣ, въ Россіи, наконецъ въ Френгистанѣ. Онъ пренаивно упрашивалъ меня говорить съ нимъ по русски, вразумляя меня, что послѣ трехъ, четырехъ разъ онъ начнетъ понимать. Такое убѣжденіе сложилось не совсѣмъ даромъ: 72 деревни говорятъ въ сущности на одномъ и томъ-же нарѣчій, хотя каждая имѣеть свои особенности, не на столько, впрочемъ рѣзкія, чтобы мѣшать жителямъ одной деревни довольно свободно понимать жителей другой. Шагъ отъ 72 деревень до всего Ирана конечно великъ, но для перса, даже не крестьянина, вполне мыслимъ. Со словъ очень симпатичнаго старика кешейца я записалъ очень много народныхъ произведеній: вирши, которые слагаются въ Исфаганѣ, доходятъ до Кешэ и поются на мѣстномъ нарѣчій и наоборотъ.

Другое нарѣчіе, *Кохрудское*, оказалось родственнымъ кешейскому, хотя опять таки не лишено своихъ особенностей. Родство сказывается главнымъ образомъ въ тождествѣ (приблизительномъ, не безъ исключеній) построенія глагольных формъ и глагольных корней. Корни другихъ словъ, въ особенности названій предметовъ первой необходимости, а также членовъ рода и семьи, на соответствующіе корни кешейскаго нарѣчія не похожи. Кстати можно замѣтить, что собака называется «*исба*». Кохрудійцы, которые приходятъ въ Исфаганъ, всѣ безъ исключенія чарвадары. Сваливъ выюки, они потомъ рыщутъ нѣсколько дней по базару, подыскивая тяжести для перевозки въ Кашанъ-Кумъ-Тегеранъ, причемъ поиски эти непременно совершаются толпою сотоварищей. Мнѣ только послѣ немалыхъ трудовъ удалось залучить одного изъ этихъ интересныхъ горцевъ. Пришлось пустить въ дѣло хитрость. Отправленный мною на базаръ человекъ убѣрилъ одного изъ кохрудійцевъ, что мнѣ нужны мулы для перевозки выюковъ въ Тегеранъ. Тотъ на эту удочку попался, немедленно же явился ко мнѣ и хотя съ первыхъ же словъ былъ разочарованъ, тѣмъ не менѣе остался у

меня. Онъ оказался моимъ знакомымъ, однимъ изъ тѣхъ, съ которымъ я прѣѣхалъ въ Исфаганъ. Когда по окончаніи перваго сеанса онъ получилъ отъ меня приличный *анамъ* и приказаніе вновь явиться на слѣдующій день, онъ разсыпался въ благодарностяхъ и просилъ извинить, что до сихъ поръ онъ не пришелъ ни разу освѣдомиться о «моихъ благородныхъ обстоятельствахъ». Матеріалы кохрудскаго нарѣчія мною собраны по одному шаблону съ сѣдейскимъ и кешейскимъ и тексты для образца взяты одни и тѣ-же. На кохрудскомъ нарѣчій у меня есть еще пѣснь о голодовкѣ 1870 г. сложенная въ *Кохрудъ*.

Въ *Рудештскомъ* булюкѣ оказалось также свое нарѣчіе, принадлежащее къ той-же группѣ. Оно болѣе тяготеетъ къ *Сэдэ* нежели къ *Кохруду* и *Кешэ*. Моимъ учителемъ былъ уроженецъ одной изъ деревень рудештскаго булюка, именно деревни *Кяфронъ*. Кяфронецъ этотъ пришелся мнѣ очень по вкусу. Это былъ не только человѣкъ толковый и грамотный, который удовлетворялъ быстро всѣ мои разспросы, но онъ и не такъ былъ лѣнивъ какъ большая часть персовъ и съ большой охотой исполнялъ порученія, которыя я на него возлагалъ. Такъ въ началѣ онъ аккуратно приносилъ мнѣ свои произведенія — онъ самъ поэтъ и какъ таковой имѣетъ прозвище (тахаллус) *مصباح*, т. е. «свѣточъ» — а потомъ его стараніями всплыли наружу стихи и другихъ мѣстныхъ поэтовъ, которые мною тщательно записываются. Онъ-же наконецъ обѣщалъ мнѣ, списавшись съ одно-сельчанами, добыть мнѣ до 2-хъ *аршинъ газелей!* И онъ дѣйствительно сдержалъ свое слово. У меня уже въ рукахъ¹⁾ болѣе 900 рудештскихъ стиховъ въ русской транскрипціи и въ оригиналѣ. Они принадлежатъ перу четырехъ поэтовъ, *Бесмель*, *Ризванъ*, *Тали* и *Мисбѣхъ*. Всѣ они уроженцы одной и той-же деревни Кяфронъ, простые крестьяне. Все записанное, какъ текстъ, интересно въ филологическомъ отношеніи, а произведенія двухъ первыхъ любителей также съ точки зрѣнія изящества: часть описательная очень хороша, кисть яркая. Переводъ не всегда дается легко, потому что плеоназмовъ много. Когда поставщикъ текстовъ окончателно истощится, я принимаюсь за составленіе перевода всего собраннаго и рудештскаго словарика, чтобы, возвратившись въ Петербургъ, располагать почти готовымъ матеріаломъ для печатанія. Между записанными мною кяфронскими текстами есть также и рассказъ о «голодовкѣ». По пятамъ этой отрасли народныхъ произведеній я слѣдую неотступно, потому что она имѣетъ несомнѣнный глубоко-историческій интересъ, какъ картина разныхъ пунктовъ

1) Эти слова относятся къ 19 мая 1885 г.

Ирана въ извѣстную эпоху. Мои старанія въ этомъ направленіи были безуспѣшны: Кяфронскій текстъ голодовки въ моей коллекціи — шестой.

Самый фактъ существованія этихъ рудештскихъ произведеній очень интересенъ: изъ упомянутыхъ нарѣчій только одно рудештское оказалось имѣющимъ собственную литературу. Всѣ мои поиски за пѣснями народнаго сѣдейскаго творчества до сихъ поръ оказались тщетными. Весь сѣдейскій матеріалъ имѣющійся въ моихъ рукахъ не представляетъ ничего оригинальнаго, своеобразнаго и есть ни болѣе, ни менѣе какъ передѣлка книжныхъ персидскихъ произведеній. Особенною любовью сѣдейцевъ пользуются четверостишія *Баба Тамира Лури* (другія его прозвища — «Урьянъ» т. е. «Голышъ» и «Кухи т. е. «горецъ»). — Не смотря однако на всѣ увѣренія сѣдейцевъ, что они не имѣютъ своихъ пѣсень, я не потерялъ окончательно надежды найти ихъ. Эту надежду главнымъ образомъ во мнѣ поддерживаютъ женщины, вообще большія любительницы пѣнія. Сѣдейскія женщины, не зная персидскаго языка, едвали могутъ довольствоваться персидскими пѣснями, хотя бы передѣланными.

В. Жуковскій.

Примѣчаніе редактора.

Въ Британскомъ музеѣ хранятся три рукописи (Add. 7829, 7826, и 23, 554) на *Гуранскомъ* нарѣчій. Описывая ихъ, *Dr. Rieu*¹⁾, даетъ короткій грамматическій очеркъ самого нарѣчія²⁾. Оказывается, что есть между нимъ и сѣдейскимъ нарѣчіемъ нѣкоторое сходство какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ отношеніяхъ. Отъ глагола *کردن* будущее время напр. будетъ.

<i>по гурански</i>	<i>по сѣдейски</i>	<i>по перс.</i>
بکرون	بکرو	بکنم
	بکری	بکنی
	بکرو	بکند
بکریم	بکری	بکنیم
	بکردی	بکنید
	بکران	بکنند

1) Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, vol. II, p. 728—34.

2) «Гуранами называютъ жителей восточнаго или персидскаго Курдистана, столицу котораго, *Сину*, посѣтилъ Ричъ въ августѣ 1820 г.» *Rieu*, I, с.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей гуранскаго нарѣчія г. *Pöé* считаетъ слѣдующую: Въ прошедшемъ (past) дѣйствующее лицо выражается большею частью сокращеннымъ личнымъ мѣстоименіемъ, которое прибавляется либо къ самому глаголу либо къ одному изъ предшествующихъ словъ¹⁾.

Такъ напр. فرمودی = فرمات, گفتند = واتشان, او گفت = واتشی,
مجنونشان برد, چند طعنه شنودم = چند تانم شنفت, جاه گرفتیم = جام کرت
مجنون را بردند и т. д.

Въ сѣдейскомъ нарѣчіи г. Жуковскій отмѣтилъ подобное-же явленіе 1) въ глаголѣ داشتن имѣть, который «въ praeteritum сокращенныя формы личныхъ мѣстоименій имѣетъ не въ началѣ²⁾, а въ концѣ, такъ что онъ спрягается

Ед. ч. 1 л.	دائِم	М. ч.	دائُون
2 л.	دائِت		دائُون
3 л.	دائِوى или داتا	или دات	دائِیون

и 2) въ слѣдующемъ правилѣ, которымъ г. Жуковскій заканчиваетъ въ своемъ очеркѣ главу о сѣдейскомъ глаголѣ:

«Существенную особенность представляетъ глаголѣ дѣйствительный въ формахъ, которыя имѣютъ сокращенныя личныя мѣстоименія, когда стоятъ съ дополненіемъ. Въ такихъ случаяхъ мѣстоименныя формы отъ глагола отдѣляются и присоединяются непосредственно къ дополненію. Напр.

نُونم گُتّه — я желаю хлѣба

آوْت بَرتا — ты налилъ воды

خَبَرى وِراشَنفت — онъ слышалъ извѣстіе

اِشْتباهُون بکنه بو — мы сдѣлали ошибку (смѣшали)

کاغذُون اِگته بو — вы взяли бумагу.

کبابِیون بخوتو — они съѣли жаркое.

1) l. c. p. 730 «... the ground-form of the past remains uninflected, and the subject is expressed by the enclitical forms of the pronouns which are appended either to the past itself, or to some preceding word.

2) Какъ другіе сѣдейскіе глаголы.

Примѣрами лексическаго сходства могутъ служить: въ обоихъ нарѣчїяхъ вмѣсто گفتن является другой корень; گو = واج (гур.) = بوا (сэд.). Онъ сказалъ — по гур. وات, по сэд. — بوات. Вм. شنید въ гур. شنفت, сэд. ویرشفت. — Дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ насколько эти сопоставленія существенны. Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы г. Жуковскому удалось встрѣтиться съ какимъ-нибудь гураномъ, такъ какъ матеріалы у г-на Рѣе были исключительно рукописныя.
